

Наталья Ленская

Живодёрка

12+

Наталья Ленская

Живодёрка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68329931

SelfPub; 2022

Аннотация

Большие находят на улице больного голубя. Первоклассницы Тоня и её лучшая подруга Аня не хотят отставать от них и пробуют сделать так, чтобы голубь снова летал. Казалось бы, во что может вылиться это искреннее детское желание спасти попавшую в беду птицу...

Как важно говорить с детьми не только о том, что нужно помогать, но и рассказывать, как это делать. И не только с детьми, правда?

Маленький рассказ о большой проблеме, написанный в стиле Тове Дитлевсен.

Наталья Ленская

Живодёрка

Прыгаю через несколько ступенек, а потом – через целый пролёт. Один, второй... Это легко. Главное, как следует ухватиться за перила. Перед тем, как приземлиться, люблю короткое чувство невесомости. Соприкосновение ног с бетоном сопровождается бульканьем воды в желудке. Жаль, что я живу всего лишь на третьем. Распахиваю дверь подъезда. На площадке меня давно ждёт Анька. Привет, соскакивает она с качелей. Наконец-то, давай быстрее, там большие нашли голубя! Мы бежим со всех ног к пятиэтажке и облезлой лазилке перед ней. Вдруг уже унесли, беспокоится Анька, чё ты так долго? Скажи спасибо, вообще выпустили обратно, отвечаю я. Моей маме не нравится загонять меня домой. Тому есть причина: с первого раза я никогда не иду. Со второго тоже. И ей трижды приходится высовываться в окно и громко кричать: Тоооня, домооой! Поэтому она принимает любое моё раннее возвращение за преждевременную капитуляцию и старается удержать преимущество.

Мы подбегаем к лазилке. Больших там уже нет, они сидят на карусели в самом углу площадки и о чём-то спорят. В нашу сторону никто не смотрит. Анька обшаривает глазами траву вокруг. Вот он, не унесли, она бросает на меня радостный взгляд и усаживается на корточки рядом с серым

комочком перьев. Я сажусь рядом. Анька осторожно трогает голубя пальцем, тот вздрагивает, и она одёргивает руку. Живой, выдыхаю я. И мне становится его очень жалко. Он должен летать, а не лежать тут в траве. Потому что даже я могу испытывать чувство полёта, когда скачу через ступеньки в подъезде. А он? Надо помочь ему взлететь, читает мои мысли Анька, он обязательно оживёт и начнёт махать крыльями, если окажется в воздухе. Точно, воодушевляюсь я: как божья коровка вчера. Анька подхватывает: да, сначала притворялась мёртвой, а потом вон как улетела. Только я боюсь брать его в руки, она смотрит на голубя и задумывается, высоко нам его не подбросить. Мы почти одновременно смотрим на лазилку.

Анька бежит за пакетом. А я в это время пытаюсь напоить голубя водой из лужи. Грязные капли катаются на только что сорванном для транспортировки питья берёзовом листе, как комочки ртути из расколотенного на днях градусника. Из моей затеи ничего не выходит.

Возвращается Анька, и мы осторожно кладем голубя, вдруг растарачившего крылья, в белый пакет с надписью "DUTCH LADY" и забираемся на самый верх.

Заранее гордые собой, представляем, как сейчас он выпорхнет, полетит и будет спасён. Большие наверняка обзавидуются, что сами до этого не додумались, мы гордимся собой ещё больше. Отпускаем пакет. Он оказывается на земле

быстрее, чем мы ожидали. Из него никто не вылетает. Пробуем ещё раз. Тоже нет. На этот раз внизу уже стоят большие, заглядывают в пакет, кричат, что пойдут к нам домой. Мы не слушаем и спускаемся. Он не полетел, и какая тогда разница, что они там орут. К пакету нас не пускают.

Расходимся по домам в полном молчании, не хочется больше гулять.

Стук в дверь. Мама идёт открывать. Нехорошее предчувствие толкает меня в спину, буквально выпихивает в коридор. Мама не включает свет, я сажусь на пуфик в прихожей, мои руки дрожат, и мне почему-то хочется слиться с висящей за моей спиной одеждой. Но сейчас лето, и её совсем мало.

В проёме двери большие. Здравствуйте, ваша Тонька живодёрка, сообщают они и рассказывают про голубя и пакет. Накажите её, пожалуйста. Мама молча слушает, потом вежливо благодарит больших, закрывает дверь и включает свет. Я не смотрю на неё, вжимаюсь в плащ и ветровки. Дышать мне больше тоже не хочется.

От маминой вежливости не остаётся и следа. Ты что наделала? Почему мне должно быть стыдно за тебя? Я молчу, и она звонко хлещет меня по щекам и рукам, которые я поднимаю, всё-таки капитулируя. Почему моя дочь живодёрка, хрипит она сквозь зубы и снова замахивается. Я зажмуриваю глаза, хочу повернуться к ней спиной и уткнуться в ка-

кой-нибудь карман, но не могу, я же сижу. В кого ты такая уродилась, больше никогда не выйдешь из дома, поняла меня? И не смей отворачиваться. Получаю очередной шлепок по голове. Остановить её некому. Папа ещё не пришёл с работы.

А мы просто хотели, чтобы он снова летал.